Глава 528. Поворотный момент! Контр-атака!

«Хороший шанс! Атакуем! Эти парни больше не могут держаться!»

«Оооо! Убей их всех! Не дай ни одному убежать!»

«Генерал приказал, чтобы каждое убийство было вознаграждено десятью головами овец или крупного рогатого скота!»

«Смыть их! Армия протектората Аннана не может больше держаться!»

«Атакуем!»

.....

Тибетцы безумно завывали. Армия протектората Аннана умудрилась продержаться так долго, что ее защита практически непроницаема.

Но это ожесточенное сопротивление только стимулировало убийственные намерения тибетцев. Тибетцы славились своей свирепостью и смелостью, а более сильный противник только усиливал их желание подчинить их. Более того, они сражались против старых соперников, смертельных врагов. Не было лучшего шанса уничтожить армию протектората Аннана.

Бум!

Заказа не было необходимости, поскольку тысячи тибетцев ворвались в ущелье, словно вода, затопившая шлюзовые ворота. Они могли видеть вершину на расстоянии, палатку командира династии Тан. Если они смогут срубить знамя, армия рухнет.

«Убееей!»

В небе прозвучали дерзкие крики на тибетском языке, смешивающиеся со стуком копыт и брызгами дождя. Лес тибетских ятаганов мерцал кровавым светом в воздухе.

«Иди, поторопись!»

Местный командир призвал свои войска, его глаза налились кровью от беспокойства. Как две ноги могли опередить четыре? Если бы не тот факт, что кавалерия на фронте уже понизила скорость, потому что они находились в середине битвы, и кавалерия заряжалась в гору, все солдаты Тана были бы уже убиты.

Но даже в этом случае это полное отступление, вероятно, приведет к жертвам среди многих солдат.

«Милорд, я надеюсь, что ваше решение верное!»

Офицер посмотрел на вершину, его сердце кровоточило от тревоги. Сражения требовали жертв, и не было никаких сомнений, что его солдаты теперь стали этой жертвой. Но такова была природа войны. Неважно, что было правдой, он никого не обвинял.

Он мог только надеяться, что это стоило того.

«Мастера-лучники, впереди, пятьсот-шестьсот шагов, рассеянный огонь!»

Ван Чун безэмоционально смотрел на рушащийся строй на северо-востоке.

Твантвантвантван!

Залп стрел пролетел по небу, словно облако саранчи. Лошади ржали, когда один тибетец за другим падали на землю со своими лошадьми.

Несколько сотен тибетских кавалеристов, разбросанных по большой территории, падали на землю, в результате чего внезапно замедлился кавалерийская атака. И в тот момент, когда они замедлились, отступающая армия Тана почувствовала, что с их плеч снято большое давление, что появился шанс на выживание.

Все торопливо пробрались на вершину.

«Приготовься!»

Лицо Ван Чуна было ледяным, а его взгляд был устремлен на основание горы. Все отражалось в его сознании, как цветок в зеркале, луна в воде. Ни одна деталь не могла ускользнуть от его глаз.

Приливная волна тибетцев устремилась в бухту, как река против карпа, все ближе и ближе к вершине. На таком расстоянии Ван Чун мог видеть даже вены на лбу, но он оставался неподвижным.

Знамя над его головой безумно хлопало под дождем, но сердце Ван Чуна было спокойным озером.

Время пролетало, словно секунды были бесконечными часами. На вершине неожиданно начался чрезвычайно холодный отсчет.

«Три!»

«Два!»

«Один!»

Когда он сказал «один», золотая броня правой руки Ван Чуна опустилась вниз.

«Сообщите генералам Чжэн Гаоняню, Чжан Чжи и Фэн Луну выйти из строя и начать атаковать правый фланг!

«Сообщите Чжао Цяню, Хуанхэ и Фу Луну, чтобы они занялись однолинейным формированием змей!

«Вперед!»

.....

Посланник за посланником поскакал прочь.

Бум!

В следующий момент, когда высокомерные и злобные тибетцы собирались достичь вершины, ситуация изменилась. Беспорядочная и пассивная армия на севере внезапно ожила.

Тысячи солдат в квадратной формации начали двигаться вперед, как шлифовальные шестерни.

Изменения начались с конца оборонительной линии. Без предупреждения пехотный квадрат внезапно изменил направление, погрузившись в поток тибетской кавалерии, как острый нож, разрезая его надвое.

И в то же время, на вершине холма, сотни массивных баллист внезапно выдвинулись вперед.

«Не хорошо - это засада!»

«Ловушка! Это ловушка!»

«Как подло! Убей их всех!»

.....

Боевые кони зазвенели, когда первая волна баллистических болтов пронеслась через сотни тибетских кавалеристов. За пределами формирования тибетские силы были слишком разбросаны, и баллисты не могли продемонстрировать свою полную силу.

Но Ван Чун преднамеренно оставил этот пробел, узкий коридор, через который тибетцы преследовали «бегущих солдат» и пытались сломить формирование армии протектората Аннана. Когда они атаковали вершину, их армия стала чрезвычайно компактной.

Более того, в то же время тибетцы были вытеснены солдатами слева и справа.

Первоначально тибетцы имели преимущество в количестве, но в этот момент нарушение, которое установил Ван Чун, позволило ему добиться местного превосходства. Десятки тысяч солдат из армии протектората Аннана смогли окружить от восьми до девяти тысяч солдат тибетской кавалерии.

«Быстро, отступайте! Откройте пробел, чтобы мы могли вернуться в основную армию!»

«Не дай им разделить нас!»

«Все, следуйте за мной!»

.....

Грозный тибетский командир в проломе заметил, что что-то не так, и начал поворачиваться, направляясь к «открытию». Если он сможет расширить это открытие и встретиться с остальной армией, ловушка развалится.

Кроме того, если они смогут соединиться с основной армией, армия Тана была бы поймана в своей собственной ловушке, вырыла бы свои собственные могилы.

«Убить их всех!»

«Вы куча мусора, поторопитесь! Не позволяйте им объединиться!»

«Быстро!»

.....

Тысячи тибетских кавалеристов наполнились яростью. Никто не ожидал, что это произойдет. Это была тактика, которую Великий Тан никогда не использовал прежде.

Но они не успели среагировать.

Крах! Змея внезапно ударила в середину армии. В этот критический момент Чжао Цянь, Хуанхэ и Фу Лун завершили формирование линии змеи.

Две армии наслоились друг на друга, образуя обоюдоострый меч. Один был направлен внутрь, чтобы запереть тибетцев в кармане, а другой был направлен наружу, чтобы не дать остальным тибетцам напасть.

Рев!

Бонгбонгбонг!

Бууум!

Ситуация на северо-востоке внезапно обострилась. Одна сторона хотела спасти от восьми до девяти тысяч пойманных в ловушку конниц, а другая сторона делала все возможное, чтобы остановить их. Обе стороны отдавали все свои силы, сияли ятаганы и сверкали мечи, ржали лошади и кричали люди, а дождь лил, заглушая все вокруг.

И сдвиг на северо-востоке имел побочные эффекты. Когда тибетцы увидели, насколько отчаянным стал северо-восток, все они начали перебрасывать свои силы туда, чтобы предложить свою помощь.

«Убей их!»

«Мы не можем позволить им преуспеть!»

.....

Конные тибетские командиры прижимали свои тела к лошадям, бросаясь в зону бедствия, их глаза были красными от жажды крови.

Эта армия, которая нашла и преследовала танскую армию, была всего лишь авангардом в 70 000 человек. Если Тан успешно использует этот метод для уничтожения одной седьмой их армии, это будет тяжелым ударом для остальных сил.

И никто не знал, какое наказание назначат великий генерал и великий министр.

«Поехали! Давайте укрепим свою позицию!»

Ситуация была срочной, и на вершине Чэнь Шусунь нервничал. Тактика Ван Чуна была совершенно нетрадиционной. В местах, которые другие могли бы защищать до смерти, он сдавался, не задумываясь.

В местах, где другие сдались бы, он твердо настаивал на защите.

Хотя это чувство было немного трудно принять, Чэнь Шусунь был вынужден признать, что уловки Ван Чуна были чрезвычайно эффективными. Если бы они могли истребить этих восемь

тысяч тибетских солдат, они могли бы нанести массированный удар по своему врагу.

Они могли, по крайней мере, снизить моральный дух своих противников, одновременно повышая свой собственный.

«Подожди минутку!»

Как раз, когда Чэнь Шусунь готовился лично принять участие в сражении, Ван Чун велел ему остановиться.

«Подожди минутку. Сейчас не время для тебя!» - спокойно сказал Ван Чун, хотя его взгляд ни разу не взглянул в сторону Чэнь Шусуна.

«Но в нынешней ситуации мы должны как можно быстрее уничтожить эти восемь тысяч тибетцев. В противном случае у нас возникнет катастрофа!» - воскликнул с тревогой Чэнь Шусунь.

Кома Старшего Молодого Мастера сделала северо-восточный регион слабым звеном в обороне армии, но теперь Ван Чуну удалось полностью переломить ситуацию. Слабое место стало преимуществом, и, если его правильно эксплуатировать, тибетцы потеряют восемь или девять тысяч своих солдат.

Хотя это не было раной для армии из 200 000 человек Королевской Линии Нгари, это также не было маленькой ранкой. По крайней мере, даже Хуошу Хуйцан или Далун Руозан не смогли бы проигнорировать такую потерю.

«Хмм, не торопись. Настоящая битва даже не началась!» - мягко сказал Ван Чун, даже немного смеясь, но в его напряженном голосе не было тепла, только ощущение невероятного веса. Когда Чэнь Шусунь услышал слова Ван Чуна, его глаза сузились.

«Даже не началась...»

Чэнь Шусунь посмотрел на сражение, происходящее внизу, и сравнил его с насмешкой на губах Ван Чуна. Внезапно в его голове всплыла непреодолимая идея, заставившая его сердце безумно биться. Разве восемь или девять тысяч тибетских кавалеристов не были победой в глазах Ван Чуна?

Мог ли он действительно иметь какие-то другие планы?

Несмотря на то, что он следил за двумя поколениями клана Ван и знал о них, как о тыльной стороне ладони, даже обнимал Ван Чуна в детстве, Чэнь Шусунь внезапно почувствовал, что разговаривает с незнакомцем.

Он также слышал много слухов о Ван Чуне, что он был невежественным ленивцем в столице, но неожиданно стал заметным в инциденте с региональными командирами, а также во многом другом.

Как будто он был двумя разными людьми.

Но что бы ни говорил внешний мир о Ван Чуне, Чэнь Шусунь всегда помнил ребенка Ван Чуна. Он не был ни хорошим, ни плохим, и, возможно, он не был настолько ослепительным, как утверждали сказки, но он, конечно, не был каким-то невежественным бездельником.

Но этот Ван Чун внушал Чэнь Шусуню как знакомое, так и незнакомое чувство.

Была ли это версия, рассказанная в рассказах из столицы, или сохранившаяся в его собственном уме, ни одна из них не соответствовала стоящему перед ним Ван Чуну.

Эта непринужденная и сложная аура не была чем-то, что мог иметь подросток. Нет! Это было не все. Он также мог видеть дальновидность и стратегический ум, которым не могли обладать даже офицеры-ветераны, десятилетиями служившие в армии.

И эта фраза «Истинная битва даже не началась» заставило Чэнь Шусуна почувствовать, что этот подросток внезапно окутан густым и непостижимым туманом. Он провел десятилетия в армии, участвовал во многих сражениях и познакомился со многими известными генералами, такими как Ван Янь и Старший молодой мастер, но он все еще не мог определить, что замыслил Ван Чун.

Если истинной целью Ван Чуна было не окружить эти восемь-девять тысяч тибетских кавалеристов, то что? У него была другая цель?

Что задумал Молодой Мастер?

Взгляд Чэнь Шусуна скользнул по полю битвы, но он все еще не мог разглядеть намерения Ван Чуна.

.....

Ван Чун не обращал на него внимания, и ему было бы все равно, что думает Чэнь Шусунь, даже если бы он это заметил. Сейчас все его внимание было сосредоточено на поле битвы. Гром гремел над головой, молния пронзала облака, и весь мир был окутан ливневым дождем.

В такой шторме легко погибнет один человек, но не десятки тысяч солдат. Это было похоже на то, как черная точка размером с пылинку могла остаться незамеченной на белом листе бумаги.

Но тысячи таких черных точек, собранные в густую каплю чернил, не могли быть проигнорированы.

Пора начинать!

Тибетская кавалерия продолжала наступать, пока Ван Чун наблюдал за битвой, и все они безумно пытались спасти окруженных восемь или девять тысяч солдат. Даже кавалерия из других областей была втянута в битву.

Как будто область Ван Чуна стала роковым магнитом.

Губы Ван Чуна изогнулись в холодной улыбке. Верховный генерал сломал планы врага, в то время как младший генерал сломил солдат противника. Для тибетцев достичь этого уровня, несмотря на отсутствие понимания стратегии, было вполне прилично, но искусство войны никогда не было таким простым.

«Приготовься!» - неожиданно заявил Ван Чун. Это простое слово было похоже на раскат грома. Чэнь Шусунь и все остальные офицеры на вершине почувствовали, как по их телам пробежала дрожь.

После долгого времени Ван Чун отдал второй приказ.

«Мастера-лучники, цельтесь на восток, три тысячи пятьсот чжан. Сконцентрированный огонь в круге с радиусом тридцать чжан!»

Бум бум бум!

После приказа Ван Чуна вершина загудела от спускающейся тетивы, когда все главные лучники выпустили свои стрелы. Бах Бах бах! Когда мастера-лучники выпустили свой плотный залп по направлению к этому отдаленному месту, несколько тысяч кавалеристов прошли через него и пришли на помощь своим собратям-тибетцам.

Ржание!

Лошади ржали, человек и лошадь падали на землю, их тела разбивались и скользили сквозь ливень. Этот внезапный дождь стрел застал их врасплох.

Кавалерия позади них двигалась слишком быстро, чтобы увернуться, и была сбита телами своих товарищей и сброшена с лошадей. Тыл армии быстро впал в хаос.

Но это был еще не конец!

Место, которое выбрал Ван Чун, предназначалось не только для авангарда одной армии. Скорее, эта область была узлом, вокруг которого текла тибетская армия. Когда одна армия упадет в хаос, это также мешает другим усилить свои ряды.

Ржание!

Горные скакуны начали подниматься на дыбы, в то время как все больше и больше кавалеристов сталкивались друг с другом. Земля была настолько скользкой от дождя, что даже натянутые поводья не могли остановить лошадей.

Потребовалось всего лишь мгновение, чтобы расширить хаос из нескольких сотен человек до нескольких тысяч, и масштабы продолжали увеличиваться.

У конницы в тылу не было другого выбора, кроме как замедлиться. Но без скоростной атаки кавалерия была гораздо менее мощной. Что еще более важно, от пяти до шести тысяч человек в хаосе станут величайшей слабостью армии.

«Это, как это возможно!»

На вершине Чэнь Шусунь почувствовал, что в его голове гудят колокола, его глаза широко открылись, и волны пронзили его разум.

Он был ветераном многих сражений, поэтому он знал, что площадь покрытия мастера-лучника была основной частью армии. Любая армия из десятков тысяч человек имеет отряд лучников.

В основном они использовались для нападения на противника до столкновения двух армий, уменьшая численность противника и минимизируя потери со своей стороны.

Но несмотря на все битвы, которые он пережил, Чэнь Шусунь никогда не сталкивался с генералом, который использовал так мастеров лучников, как сейчас. Один залп бросил большую часть противостоящей армии в хаос.

Это больше не был вопросом о том, сколько людей убили мастера-лучники. Это был тактический ход.

Одним ударом Ван Чун помешал десяткам тысяч вражеских солдат. На тактическом уровне этого было достаточно, чтобы повлиять на все поле битвы.

«Прикажите Семнадцатому и Восемнадцатому Квадратам, генералам Чжан Вею и Цзян Туну, отказаться от обороны и начать полномасштабный штурм!»

Как и ожидалось, в качестве своего следующего хода Ван Чун приказал солдатам на юго-восточном фланге перейти в наступление.

Румбл!

Вниз по склону горы десятки тысяч тибетцев пытались отступить, но было уже слишком поздно. Солдаты Великой династии Тан на юго-восточном фланге погрузились в их армию, что привело тибетцев в полное расстройство.

И в отличие от тибетцев в кармане, тибетская армия в узле не могла ни атаковать, ни отступить. Они были так запутаны друг с другом, что ничего не могли поделать.

Кавалерия без скорости была просто пехотой!

И не было ни одной страны в мире, которая могла бы сравниться с пехотой Великого Тана.

Всплеск!

Сквозь ледяной дождь эхом раздались брызги крови и звуки предметов, падающих на землю. После стольких лет битвы армия протектората Аннана разработала набор очень эффективных методов борьбы с толстыми тибетскими латными доспехами.

Массивные топоры мерцали в воздухе в танце смерти, в то время как пики пронзали, как гадюки, незащищенные глаза высокогорных скакунов. Одного удара было достаточно, чтобы пробить глаз и мозг.

У знаменитых горных скакунов даже не было времени заржать, прежде чем упасть в грязь.

Достаточно. Теперь моя очередь!

Свирепствовал ветер и шел дождь, Ван Чун медленно поднял голову к темным облакам. Затем он сделал шаг вперед.

Бум!

Этот шаг потряс горы, и этим шагом Ван Чун, наконец, выпустил «Ореол поля битвы». С Ван Чуном в центре, рябь начала пронзать поле битвы.

Битва достигла своей самой критической точки, и теперь настало время положить конец тому, что может решить победу и поражение...